

Министерство образования и науки Украины
Славянский государственный педагогический университет

Глущенко В.А., Овчаренко В.Н.

Развитие языка

Учебное пособие
для студентов
филологических факультетов

Утверждено на заседании
ученого совета СГПУ
24.11.2005 г. (протокол № 10)

Славянск, 2005

УДК 81'1 (477) + 81'1 (470)
ББК 81 (4 Укр) + 81 (4 Рос)
Г 55

Глущенко В.А., Овчаренко В.Н.

Развитие языка: Учебное пособие для студентов филологических факультетов. – Славянск: ЧП «Канцлер», 2005. – 32 с.

ISBN 966-8596-67-6

В учебном пособии рассмотрены закономерности развития языка, которые изучаются в курсах “Общее языкознание” и “Введение в языкознание” на филологических факультетах. Предназначенная для студентов, книга может быть использована также аспирантами и преподавателями лингвистических дисциплин.

Ответственный редактор: доктор филологических наук, профессор
А.С. Зеленко
(Луганский национальный педагогический университет им. Тараса Шевченко)

Рецензенты: доктор филологических наук, профессор
Л.П. Иванова
(Национальный педагогический университет им. М. Драгоманова);
доктор филологических наук, профессор
С.П. Денисова
(Киевский международный университет).

ISBN 966-8596-67-6

© Глущенко В.А., Овчаренко В.Н., 2005

Введение

Не одно поколение историков, этнографов, антропологов пыталось разгадать тайны старины. Большой вклад в исследование прошлого вносят ученые-языковеды. Ведь язык – это непрерывная связь современности с прошлым. История языка отражена прежде всего в древних письменных памятниках и современных диалектах; в говорах есть черты более архаические, чем в древних рукописях. Правильное прочтение памятников старины возможно лишь при плодотворном сотрудничестве представителей разных наук. Но приоритет, конечно, принадлежит лингвистам.

В качестве примера рассмотрим одно предложение 1-й Новгородской летописи (XII – XIV вв.):

Тои же осени много зла сѣ спвори:

поби мразь обилье по волости“

Какие факты интересны здесь с точки зрения языковой истории? В фонетике это редуцированные (мразь) и носовые (сѣ) гласные (в период создания памятника указанные написания были уже традиционными). В лексике можно отметить старославянизм мразь (сравните восточнославянскую лексему мороз с полногласием) и употребление слова обилье в конкретном значении “нескошенный, необмолоченный хлеб”. В грамматике отметим наличие аориста (поби, 3 лицо ед. ч.), употребление существительного осени (в функции обстоятельства) в родительном падеже, препозицию частицы сѣ, которая употребляется отдельно от глагола (частица еще не стала глагольным постфиксом).

На основе полученных знаний языковеды приходят к обоснованным выводам о происхождении языков и закономерностях их развития. Во включенном в учебное пособие материале авторы старались по возможности содержательнее осветить закономерности развития языков не только в современном толковании. Анализируются взгляды на развитие языка русских и украинских языковедов XIX в. – начала XX в., которые являются неотъемлемой частью европейского языкознания.

§ 1. Возникновение идеи языкового развития в языкознании конца XVIII в. – начала XIX в.

Положение о том, что историзм и является тем принципом, который вызвал к жизни сравнительно-историческое языкознание, в методологическом аспекте является важнейшим. Появление исследований основателей сравнительно-исторического метода (Ф.Боппа, Р.Раска, Я.Гримма, А.Х.Востокова) означала применение к языковым явлениям принципа историзма. Последнее было глубоко закономерным. Для конца

XVIII в. – начала XIX в. характерны грандиозные изменения в научном мышлении, которые осуществлялись под знаком выдвижения и внедрения в практику идей историзма и развития. Эти идеи были не только следствием самостоятельного развития биологии и языкознания, но и результатом влияния философии истории французских просветителей и теории происхождения языка И.Гердера. Научные достижения первой половины XIX в. отразились в философских взглядах Ф.Шеллинга и Г.Гегеля. Утверждая, что каждое явление природы является продуктом действия противоположных сил, Ф.Шеллинг пришел к признанию принципа всеобщей связи явлений. Это положение было развито в диалектическом учении Г.Гегеля, которое стало философской основой нового научного движения, в том числе в России и в Украине. Философская концепция Г.Гегеля во многом способствовала тому, что в начале XIX в. историзм стал характерным признаком научного мышления. Идеи развития применяются при изучении истории народа, истории культуры, религии, права, литературы, языка. Понимание того, что язык развивается, что между языковыми явлениями в их изменении существует преемственная связь, окончательно сложилось именно под влиянием философии Ф.Шеллинга и Г.Гегеля.

§ 2. Внешние и внутренние факторы развития языка

История языка в целом тесно связана с историей народа, общества. Однако если рассматривать отдельные уровни языка (к основным уровням принадлежат фонетико-фонологический, лексический, морфологический, синтаксический), то далеко не всегда можно увидеть зависимость развития языка от развития общества. Так, изменение русской глагольной системы нельзя объяснить событиями, происшедшими в жизни народа, общества. То же самое следует сказать об утрате носовых гласных в большинстве славянских языков (в древних славянских памятниках они обозначались буквами @ “юс большой” и # “юс малый”). Многочисленные факты свидетельствуют, что многие языковые явления развиваются внутри самого языка; они возникают как обусловленные его внутренними возможностями. Это дает основание для разграничения внешних и внутренних факторов (законов, закономерностей, тенденций, причин, условий) развития языка. Внешние и внутренние факторы нередко взаимодействуют.

Примером может служить такое фонетическое явление, как цоканье. Оно присуще ряду русских диалектов и имеет определенные разновидности. В частности, в части диалектов вместо **ц** и **ч** употребляется аффриката **ц** (*улица, цистый* “чистый”), а в другой части – аффриката **ч** (*улича* “улица”, *чистый*). Сущность цоканья заключается именно в неразличии двух аффрикат, в употреблении вместо двух аффрикат одной. Как возникло цоканье? Вследствие действия внешних или внутренних причин? Н.И.Надеждин еще в 1837 г. выдвинул положение о финно-угорском субстрате цоканья (о “заимствовании” цоканья из финно-угорских языков) [Надеждин 1837: 273]. Эта идея опирается на факт распространения русского языка на территориях, которые издавна населяли финно-угорские народы: меря, мурома, мещера и др. Идею финно-угорского субстрата поддержали

И.А.Бодуэн де Куртенэ [Бодуэн де Куртенэ 1963, т 1: 369] и В.И.Чернышев [Чернышев 1902: 449]. Позднее возникает положение о внутренних причинах возникновения этого консонантного явления. К.В.Горшкова, В.В.Колесов и другие лингвисты, не отрицая возможности влияния финно-угорских языков, считают, что цоканье возникло, прежде всего, вследствие действия внутренних факторов. Русские аффрикаты **ц** и **ч** в функциональном плане слабо нагружены: в русском языке много слов, которые отличаются друг от друга лишь одной фонемой (ср. *гол – кол, жар – шар, шайка – сайка*), но практически нет такой пары слов, которые бы отличались фонемами **ц** и **ч** (термины *цоканье – чоканье*, конечно, можно не принимать во внимание). Очевидно, цоканье можно рассматривать как результат взаимодействия внутренних и внешних факторов развития языков.

Обращение лингвистов к внутренним факторам развития языка является более чем закономерным. В самом деле, каждое новое языковое явление вырастает из уже имеющихся и на их основе. Новые фонемы, морфемы, слова, формы, синтаксические модели, новые отношения между языковыми единицами и категориями исторически обусловлены самим языком, образуются из его “материала” и по его “правилам”. Это не значит, конечно, что не может быть очевидных внешних причин появления в языке новых явлений. Так, новые слова появляются в языках, как правило, потому, что они нужны для обозначения новых реалий, для выражения новых понятий науки, техники, производства. Ярким примером является появление в русском языке (на разных этапах его развития) таких слов, как *телевизор, полупроводник, луноход, прилуниться, компьютер, информатика, Интернет, пиар, хит*. Тем не менее внешние причины не создают слов – слова образуются в том или ином языке по его “правилам”.

Изучение взаимодействия внешних и внутренних факторов развития языка – очень сложная задача. В общем плане можно сказать, что внешние обстоятельства предъявляют определенные требования, а язык, отвечая на них, изменяет те или иные элементы своей системы в соответствии с современными нуждами, с одной стороны, и внутриязыковыми возможностями, с другой.

§ 3. Основные закономерности развития языков

Лингвистам пока что не удалось точно сформулировать основные закономерности, обуславливающие внутреннее развитие языковых систем. Тем не менее уже сейчас можно высказать некоторые выводы относительно некоторых таких закономерностей.

1. *Историю языка нельзя рассматривать как процесс деградации.*

Большое распространение в лингвистических исследованиях 20-х – 60-х гг. XIX в. получило положение о двух периодах языкового развития: доисторическом периоде образования и совершенствования грамматических форм (и, шире, вообще языковых элементов разных уровней) и историческом периоде их упадка. В общих чертах теорию двух периодов языкового развития сформулировал Г.Гегель. Её разрабатывали немецкие лингвисты Ф.Бопп, Я.Гримм, В.Гумбольдт, А.Шлейхер, Г.Курциус.

Лингвоисториографы отмечают, что в России к этой теории обращались Ф.И.Буслаев и И.И.Срезневский [Чемоданов 1956: 20-21; Сорокин 1984: 230-231].

Лингвистические работы 20-х – 60-х гг. XIX в. свидетельствуют, что дань теории двух периодов языкового развития отдавали и такие русские языковеды, как А.Х.Востоков, Н.И.Греч, М.Н.Катков. Так, А.Х.Востоков писал: “Замечено вообще, что все древние языки превосходили правильностию и изобилием форм языки позднейшие, ведущие от них свое начало” [Востоков 1865: 5]. Как примеры А.Х.Востоков приводил санскрит и современные индийские языки, древнегреческий и новогреческий, “древний германский” и современные германские, “старинный славянский” и современные славянские. Н.И.Греч писал о “рождении, образовании и упадке языков” [Греч 1840: 40], о том, что “языки растут, мужают, крепнут и теряют свою творческую, органическую силу” [там же: 29]. М.Н.Катков акцентировал внимание на фонетических единицах, прежде всего на звуках: “Твердостью, чистотою и как бы сознательностию звуков должен был в высшей степени отличаться язык первобытный, о котором лишь смутные, хотя и несомненные, свидетельства уцелели в языке. Языки памятные представляют уже постепенную порчу и ослабление звука: из живого деятеля он становится механическим и как бы условным знаменателем ему чуждого понятия” [Катков 1845: 4-5]. В частности, относительно гласных Н.Н.Катков отмечал, что “эта порча или это ослабление вокализма, должно быть признано за явление, общее всей индоевропейской фонетике” [там же: 5-6]. Деграция проявилась и в строении слога: здесь современный язык, в отличие от языка предков, “не обличает в нас излишней любви к изяществу. Мы далеко не так разборчивы в устроении слогов, как наши предки” [там же: 114].

В концепции И.И.Срезневского первый период языковой истории является “временем развития форм языка”, а второй – “периодом превращений” [Срезневский 1959: 19]. Сравнивая эти периоды, ученый отмечает, что во втором периоде “прежняя стройность форм языка расстраивается” [там же]. Иной смысл вкладывал в теорию двух периодов языкового развития Ф.И.Буслаев. Как отмечают исследователи, первому периоду развития языка в отличие от второго в интерпретации Ф.И.Буслаева присуща большая конкретность в значении слов и грамматических форм [Протченко 1992: 18]. Обращение к положению Ф.И.Буслаева показывает, что он усматривал в движении от конкретного к абстрактному одну из важнейших закономерностей развития языка: “Со временем живое значение слова теряется, впечатление забывается и остается только одно отвлечённое понятие” [Буслаев 1992: 273].

В середине XIX в. теорию двух периодов отрицал К.С.Аксаков [Аксаков 1860: X]: для него, как отмечает В.В.Колесов, развитие языка является проявлением народного духа, поэтому на каждом этапе языковой истории слово имеет свою творческую силу. Итак, К.С.Аксаков отбрасывал представление о двух периодах языкового развития, стоя на романтических позициях.

В раскрытии научной несостоятельности теории двух периодов, бесспорно, большая заслуга принадлежит А.А.Потебне. Именно он нанес теории двух периодов один из первых решающих ударов [Десницкая 1955: 63]. Критикуя положение о деградации грамматических форм во втором периоде жизни языка, А.А.Потебня подчеркивал, что никакой деградации форм нет: исчезают флексии, но общее количество форм не уменьшается. “Факт заключается в стирании флексий, что рассматриваются как звуковые элементы, – писал он, – но не в уменьшении общего количества форм и не в потере формальности в языках, которые её выработали” [Потебня 1958: 61]. Итак, звуковое “стирание” отдельных языковых форм совсем не означает исчезновения формообразования. Вопрос о развитии грамматических форм в языке, по А.А.Потебне, является очень сложным, и его нельзя решить простым подсчетом флексий [там же: 63]. Обращение к высказываниям А.А.Потебни дает возможность установить, что наличие в языке аналитических форм он оценивал как показатель высокой степени совершенства средств формообразования. Так, А.А.Потебня писал, что “существование в языке описательных форм не только не является признаком упадка формальности, но, наоборот, свидетельствует о торжестве этого принципа”, и с этой точки зрения “в новых языках по отношению к древним можно видеть перерождение, а не вырождение и искажение” [там же: 66]. Для иллюстрации этого положения А.А.Потебня обращается к романским языкам. Он отмечает, что в этих языках местоимение часто употребляется вместе с глаголом, “где его не ставили в языке первоначальном”, и является “лишь отделенным от глагола, иначе поставленным личным окончанием” [там же: 67].

Относительно развития звукового состава языка А.А.Потебня также выступал против распространенного взгляда, согласно с которым фонетические изменения – это “болезнь”, которая в определенное время овладевает языком. А.А.Потебня подчеркивал, что язык развивается всегда, во все периоды его существования, и это касается, в частности, его фонетической системы: звуки изменяются в любом языке на всех этапах его развития независимо от преобладания в языке черт синтетизма или аналитизма [там же: 55].

Квинтэссенцией потебнянской критики теории двух периодов языкового развития можно считать такие слова: “Теория, относившая творчество в языке к доисторическим временам, страдала именно тем, что не могла объяснить, как язык может преуспевать как орган мысли, подлежа в исторические времена лишь действию разрушительных сил, обращённых даже не на одно тело языка – звуки, что со спиритуалистической точки зрения было бы еще понятно, но на его душу: грамматический строй” [Потебня 1876: 178].

Аргументы А.А.Потебни были высоко оценены И.В.Ягичем, который отметил “остроту мысли” великого украинского лингвиста в освещении недостатков теории двух периодов языкового развития [Jagic 1977: 336]. Со временем эта теория подверглась критике в “манифесте младограмматиков” [Остгоф, Бругман 1964: 189].

По мнению историографов языковедения, теория двух периодов языкового развития с её искусственными рамками, схематизмом, метафизичностью, с её несоответствием реальным фактам и процессам развития языков существенным образом ограничивала исторический подход к языковым явлениям в 20-е – 60-е гг. XIX в. [Десницкая 1956: 47-48; Десницкая 1984: 248; Чемоданов 1956: 21; Сорокин 1984: 231]. Однако, с отрицательной оценкой теории двух периодов языкового развития согласиться трудно. Бесспорно, эта теория имела и положительное значение: в начале XIX в. она стимулировала поиск закономерностей развития языка, помогала систематизировать материал истории индоевропейских языков, а ее дальнейшее преодоление стало возможным благодаря накоплению и осмыслению этого материала, показавшего уязвимость положения о том, что в историческое время (письменный период) языковые системы уже собственно не совершенствуют свои средства, а, наоборот, деградируют, теряют органическую стройность и формальную завершённость [Глушенко 1998: 25]

Итак, языки, утрачивая определенные грамматические категории, значения, формы, создают новые, которые нельзя оценивать как “лучшие” или “худшие”. Поскольку язык не является организмом (вопреки утверждениям приверженцев трактовки языка как естественного феномена), в развитии языков нет периодов расцвета и упадка.

2. Развитие языка осуществляется эволюционным путем, а не путем “скачков”. На это указывали еще компаративисты XIX ст. Так, А.А.Потебня отмечал “постепенность” процесса “дробления языков” [Потебня 1883: 12]. М.А.Колосов писал: “Резкие особенности развития языка или наречия не появляются сразу. Для их постепенного появления нужны сотни лет” [Колосов 1878: 266]. В частности, продолжительным представлен процесс падения редуцированных гласных на восточнославянской территории в концепции А.А.Потебни, П.И.Житецкого, А.А.Шахматова и др.

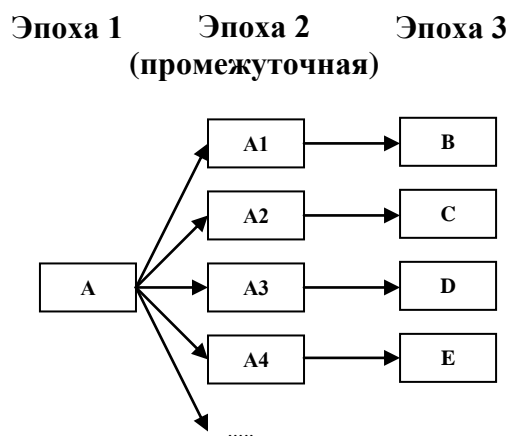
3. Развитие языка является непрерывным процессом. Древнегреческий философ Гераклит учил: в одну и ту же реку нельзя вступить дважды; на втором шаге это будет уже другая река. Так и в языке: через миг это уже другой язык. “Язык находится в постоянном развитии, – писал А.А.Потебня, – и ничто в нём не должно быть рассматриваемо как нечто неподвижное” [Потебня 1977: 88]. В частности, в языке “нет ни одной неподвижной грамматической категории” [Потебня 1958: 83]; “как сами звуки, так и отдельное значение любого слова имеют корни в очень глубокой старине и в то же самое время вечно развиваются и двигаются вперед” [Потебня 1985: 211]. Однако, изменения языка за миг незначительны, увидеть их невозможно. А вечность? Или не из ли мгновений складывается она? Незначительные изменения в течение продолжительного времени в сумме дают значительные. Итак, какое-либо описание языка в синхронии всегда является условным: исследователь словно останавливает движение языка, как фотограф останавливает движение человека. И как на фотографическое изображение можно смотреть потом через много лет, так и на сфотографированный язык

(язык в синхронии). Еще А.А.Потебня разрабатывал глубокое положение о том, что методика изучения истории языка по синхронным срезам, которой вынуждены пользоваться исследователи, является в значительной мере искусственной; описывая язык на том или ином синхронном срезе (в “точке, которую принимаем за неподвижную”), мы “допускаем условную ложь” [Потебня 1876: 14]. В частности, старославянский язык, “наподобие любого другого, изменялся, значит, согласно действительности, мог бы быть изображен только исторически, а не описательно” [там же]. Таким образом, потебнянская критика методики реконструкции по синхронным срезам основывается на понимании языкознания как “науки исторической”, на положении о тесной связи синхронии и диахронии.

4. В развитии языка наблюдается преемственность: новое вырастает из старого. Взаимодействие старого с новым и является источником развития. “В одном и том же языке, – писал И.И.Срезневский, – не все превращается равномерно, иное скорее, иное медленнее, и вследствие этого язык становится связью частей, одновременно образованных, древних и новых, но все-таки постепенного превращения нельзя не видеть в изменении всего его строя и характера” [Срезневский 1949: 21]. Взаимодействие старого с новым и является источником развития: “Этим борением, постоянными уступками старины новизне обозначается общий ход изменений языка” [там же: 26]. Положение о неравномерности развития элементов языка, поддержанное Ф.И.Буслаевым [Буслаев 1959: 29], распространяется среди лингвистов. Развивая это положение, А.А.Потебня отмечает, что “в живых языках разрушение старого есть вместе с тем создание нового” [Потебня 1958: 516]. Обращение к работам А.А.Потебни показывает, что у него “новое” не только и не столько прибавляется к языку (количественный подход), сколько, присоединяясь, изменяет “старое” и в конце концов даже способно перестроить его (учет качественных изменений в языке) [Будагов 1988: 89]. Это положение можно иллюстрировать лексическим материалом. Так, одним из неологизмов русского и украинского языка 70-х гг. XX в. является слово *зебра* в значении “пешеходный переход”. Это новое значение возникло на базе старого “дикая африканская лошадь, имеющая полосатую окраску”. Вообще образование новых слов лексико-семантическим способом является переосмыслением старых значений и возникновением на их основе новых. Образование слов любым другим способом также всегда базируется на “старом” материале (морфемы, способы словообразования, словообразовательные модели и типы).

5. Разные уровни языковой системы развиваются неравномерно. Наиболее быстро развивается лексика (особенно в периоды значительных социальных изменений), которая четко отображает изменения в жизни общества. Так, в советский период в русском и украинском языках появляются слова типа *колхоз // колгосп, комсомол, нэп // неп, нарком*, даже рус. *шкряб*, которым старались заменить давнее и привычное слово *учитель*. Множество таких слов прошло путь от неологизмов к словам активного употребления и далее – к историзмам (таким образом, эти слова вернулись в пассивный словарный фонд).

6. Развитие языка происходит путем дивергенции (дифференциации) и конвергенции (интеграции). Дивергенция (лат. *divergo* “отклоняюсь”) – это процесс распада, расщепления (первичного праязыка при формировании новых языков, звуков, форм и т.д.). Дивергенция может возникать вследствие социально-исторических условий – миграций, географического или политического обособления, контактов с другими языками. Схематически это можно показать так: единый праязык **A** распадается на диалекты **A1, A2, A3...**, которые затем превращаются в самостоятельные языки **B, C, D...**. При этом в каждом из них сохраняются какие-то черты их общего предка, в чем и проявляется их родство:



Процессы дивергенции характерны для ранних этапов развития общества. Приведем пример. Историки языка не могли не обратить внимания на такое соответствие русских слов украинским, как *лес – ліс, дед – дід, сено – сіно*: здесь русскому *е* соответствует украинское *і* (правда, это касается не всех говоров: в частности, в новгородских говорах представлено *і*, как в украинском языке). Такое соответствие становится понятным, если обратиться к фактам истории языка: *е* и *і* восходят к архетипу *ě*, который, вероятно, произносился как монофтонг *ě* (закрытое, напряженное *e*) или как дифтонг типа *ie*. Такие рефлексы *ě* (*сіено, сѣно*) зафиксированы в диалектах восточнославянских языков. В древней кириллической письменности фонема *ě* обозначалась буквой *h*. Из украинского алфавита эта буква постепенно исчезала на протяжении XIX в., а в русском алфавите она дожила до реформы 1917 – 1918 гг. Ее очень боялись гимназисты-неудачники, которые учили стихи типа “Бһлый, бһлый, блһдный бһсь Убһжалъ, бһдняга, въ лһсь. Съ лһшимъ по лһсу онъ бһгалъ, Рһдькой съ хрһномъ пообһдалъ...”. Авторы реформы (Ф.Ф.Фортунатов, А.А.Шахматов, Р.Ф.Брандт, И.А.Бодуэн де Куртенэ и другие известные ученые) решили упростить русское правописание, отказавшись от *h* и других “лишних” букв¹.

¹ Орфографическая комиссия Академии наук была создана еще в 1904 г., однако ее предложения, научно обоснованные, не были внедрены в практику из-за противостояния государственных чиновников высокого ранга. Временное правительство старалось ввести реформу, но делало это непоследовательно. В этом плане большевики значительно отличались от “буржуев”. Революционные пролетарии, матросы и солдаты врывались в типографии, уничтожая буквы *h, ѳ, ѣ, у*. В результате на протяжении длительного времени в тех случаях, когда требовалась буква *ъ*, в типографиях использовали апостроф: *об’явление, с’емка* и т.п.

Конвергенция (лат. *convergo* “приближаюсь”) – это сближение и слияние двух или более языков. Это процесс, противоположный дивергенции: он иллюстрирует взаимодействие языков, при котором они могут смешения, скрещиваться или влиять один на другой. Некоторые лингвисты и даже целые лингвистические школы придавали решающее значение фактам смешивания или скрещения языков (Г.Пауль, Н.Я.Март). Смешение возникает в условиях массового двуязычия, когда некоторые черты одного языка проникают в систему другого языка. Примером является романизация народов римских провинций (Галлии, Иберии, Дакии и др.). Народный латинский язык римских завоевателей на названных территориях смешался с языками жителей провинций. В результате возникли романские языки: французский, испанский, румынский и др. Так, французский язык возник вследствие смешения галльского языка с народным латинским. Другой пример смешения – болгарский язык, источниками которого являются, с одной стороны, славянские диалекты, с другой – тюркские (диалект волжских булгар). Характерную особенность болгарского языка – отсутствие склонения существительных – можно объяснить именно этим взаимодействием.

Таким образом, вследствие конвергенции нескольких языков или диалектов может возникать один язык или диалект; к этому приводят языковые контакты, являющиеся следствием торговых, культурных, религиозных и др. связей. Завоеватели во времена миграций и войн переносили с собой свой язык. Когда мигранты или теснили местных жителей, язык последних исчезал, растворяясь в языке завоевателей. Когда прибывшие поселялись на территории рядом с аборигенами, начинался процесс сближения народов: торговое, культурное взаимодействие, смешанные браки.

Разумеется, эти отношения сопровождались взаимовлиянием языков; два языка могли “сливаться”, образуя новый язык. Общий язык основывался на одном из этих языков; на какой именно, зависело от многих факторов: количества носителей языка, уровня культуры, степени развития языка и др.

При таком взаимодействии языков возникают **субстрат**, **суперстрат**, **адстрат** и **языковой союз**.

Субстрат (лат. *substratum* — буквально “подстилка”) – это следы исчезнувшего местного языка (при усвоении местным населением языка завоевателей). Таков, например, кельтский субстрат (следы языка давних галлов) во французском языке; элементы финно-угорского субстрата в севернорусских говорах.

Суперстрат (латинский префикс *super-* означает “над”, “сверху”) – следы утраченного языка завоевателей, которые усвоили язык местного населения. Можно назвать, например, элементы германского (франкского, бургундского) суперстрата во французском языке, французский суперстрат в английском.

Адстрат (лат. *ad* – “к, в, при”) — результат влияния соседнего языка (при продолжительном двуязычии в пограничных районах). Например: тюркский адстрат в персидском и таджикском языках, иранский (таджикский)

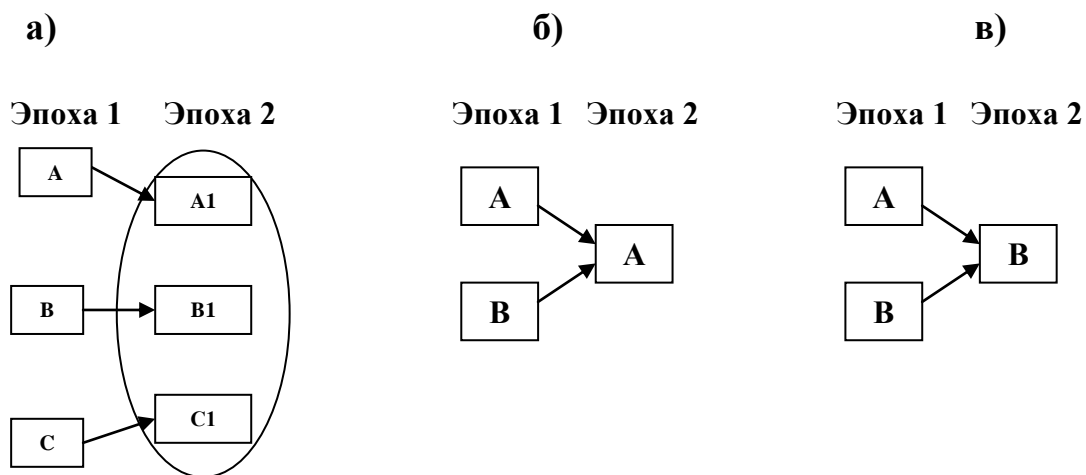
адстрат в узбекском, татарский адстрат в чувашском, марийском, удмуртском языках и т.д., турецкий адстрат в балканских языках. Явление адстрата иллюстрируют и белорусско-литовские и польско-литовские языковые отношения периода средневековья.

Некоторые лингвисты выделяют **интерстрат** – явление, которое происходит при взаимодействии языков разных наций, например на территории бывшего СССР и на постсоветском пространстве.

Как следствие билингвизма (двужычия) возникает языковая **интерференция**, при которой происходит частичное смешение лексики и частичное заимствование синтаксических моделей из одного языка в другой, изменения произношения, ударения и интонации, привнесение “чужого” акцента. Такие явления представлены в языках всего мира. Это, например, украинско-русский и русско-украинский билингвизм на Украине: вместо (укр.) *даси мені щось* говорят *даш мені щось*, вместо (рус.) *поехать к сестре* – *поехать до сестры* и т.п.

Результатом сосуществования народов является **языковой союз** – ареально-историческая общность языков, которая проявляется в наличии некоторых общих признаков (структурных и материальных), возникающих вследствие продолжительного и интенсивного взаимодействия этих языков в пределах единого географического пространства. Примером является балканский языковой союз, который объединяет в своем составе болгарский, македонский, сербский, румынский, албанский и новогреческий языки, хотя эти языки принадлежат к разным группам индоевропейской семьи языков.

Некоторые из указанных процессов можно показать на схемах:



Чужие языки **А**, **В** и т.д., оставаясь разными, но сближаясь, образуют **языковой союз** (схема а); если же происходит поглощение одного другим, то возникает **субстрат** (схема б), **суперстрат** (схема в).

Наибольшее иноязычное влияние испытывает лексика, меньше фонетика (иноязычный акцент), синтаксис (возникновение сходных конструкций) и меньше всего фонология. Почти не подвергается иноязычному влиянию морфология (в случаях, если изменяется морфологическая система, мы имеем дело просто с фактическим переходом на другой язык: систему можно полностью заменить другой системой, но

нельзя смешать механически две системы и получить нечто среднее). Однако следует иметь в виду, что лексические заимствования не являются фактом смешения языков, поскольку при этом заимствующий язык не теряет своей специфики (слова *спорт, футбол, бифитекс, комбайн, митинг* – заимствования из английского – не изменили синтетического типа русского языка; в украинском языке они, в отличие от английского имеют грамматический род и склоняются). В русском языке среди заимствованных слов выделяют:

- старославянизмы (*юноша, надежда, глава*);
- заимствования из других славянских языков (польск. *пан, квартира, кофта, рисовать, кролик, булка, фрукт, повидло*);
- заимствования из неславянских языков (*штаб, пальто, хоккей, кимоно, башмак, кайма, гитара*).

Еще в работах М.В.Ломоносова в общих чертах высказывается важное положение о происхождении родственных языков из общего первоисточника – индоевропейского праязыка, в результате разделения которого образовались современные индоевропейские языки. М.В.Ломоносов моделирует образование языков во временной перспективе, высказывает мысль о постепенном процессе обособления индоевропейских языков от праязыка и об исторической последовательности в образовании отдельных языков: “Так неожиданно изменяются языки! Так не постоянно! Так исчезли еврейский, аларбейский, эллинский, латинский и другие! Представим продолжительность времени, в течение которого эти языки разделились! Посуди же, когда курляндский! Посуди же, когда латинский, греческий, немецкий, русский! О глубокая древность!” [Ломоносов 1952: 658-659]. Наиболее древним, по М.В.Ломоносову, было обособление латинского, греческого, германских и славянских языков. Процесс дифференциации языков длился тысячелетиями. Итак, исследователь представлял процесс образования индоевропейских языков как дивергенцию. Для раскрытия закономерностей развития родственных языков М.В.Ломоносов сравнивает этимологически тождественные слова в греческом, латинском, французском и итальянском языках, что даёт ученому возможность определить типы структурно-фонетических изменений в этих языках.

Идеи М.В.Ломоносова получили развитие в русском и украинском языкознании 20-х – 60-х гг. XIX в. А.Х.Востоков в рукописной работе “Изложение об этимологическом словаре” (1809) так определил цель его исследования: “Я работаю над этимологическим сравнительным словарем или глоссарием славяно-русского и других единокровных с ним языков европейских для показания различных степеней родства между всеми языками и постепенного происхождения и перехода слов из одного языка в другой”. Разделив лексический состав русского языка на три класса слов, ученый делает попытку сравнительного анализа их в исторической перспективе на широком межъязыковом материале. По мнению А.Х.Востокова, сходство звуков и значений отдельных слов в разных языках может свидетельствовать как о языковом взаимодействии, так и об общности их происхождения. С точки зрения ученого, древние славянские языки были значительно более близкими друг к другу, чем современные. А.Х.Востоков

пишет о том, что во времена Константина и Мефодия все славянские народы могли легко понимать друг друга. Грамматические отличия между славянскими языками стали ощутимыми позднее, возможно через 300 или 400 лет после перевода церковных книг, а потом увеличивались на протяжении столетий [Востоков 1865: 1-27].

М.Н.Катков в диссертации “Об элементах и формах славяно-русского языка” (1845) формулирует проблему соотношения родственных языков. Он подчеркивает, что народы, которые “находятся в исторических отношениях”, заимствуют один у другого слова; однако “основательное языкознание не в этих выражениях должно иметь силу, а в тех, которые свидетельствуют о первичном единстве языков” [Катков 1845: 253].

Н.И.Надеждин в статье “Великая Россия” (1837) высказал мысль, согласно которой древнерусский язык является непосредственным “предком” восточнославянских языков, причём он разделился на украинский, белорусский и русский “очень рано”, со времен поселения восточных славян “между племенами финскими”. Факторами, которые вызвали возникновение восточнославянских языков, ученый считал расселение на больших пространствах, влияние субстрата и климата. Позднее (1841) Н.И.Надеждин выдвигает новую, более целостную и разработанную в деталях концепцию первичности украинского и белорусского языков и вторичности русского. По Н.И.Надеждину, географическое разделение восточнославянской территории между Припятью и Сожем обусловило еще в доисторическое время разделение древнерусского языка на украинский (понтийско-русский) и белорусский (балтийско-русский) языки, которые соответствовали двум восточнославянским племенным группировкам – юго-западным и северо-западным русам. Северо-восток Руси заселялся с северо-запада и юго-запада; это и послужило причиной смещения украинского и белорусского языков. Так возник русский язык, который, следовательно, является результатом интеграции. При этом “предки” севернорусского и южнорусского наречий оказываются более древними, чем русский язык в целом. Ученый отмечал, что московское койне возникло вследствие смещения севернорусских и южнорусских говоров, указал на наличие в нем южнорусских (аканья) и севернорусских (взрывной *z*, твердый *m* в 3-м лице единственного числа глаголов настоящего времени) языковых особенностей.

Анализ взглядов М.А.Максимовича показывает, что ученый наряду с дифференциацией языков допускал интеграцию родственных языковых систем. Исходя из признания праславянского языка, который нельзя отождествлять ни с одним существующим или исторически зафиксированным славянским языком, в том числе со старославянским, М.А.Максимович указывает на то, что уже в глубокой древности, задолго до IX в., праславянский язык разделился на восточный (русский) и западный языки. Язык восточных славян, по М.А.Максимовичу, задолго до образования Киевской Руси состоял из многих диалектов, на которых говорили упомянутые в летописях и других источниках восточнославянские „племена”. Еще до введения христианства на Руси путем интеграции близкородственных диалектов образуются южнорусский (украинский) и севернорусский языки. Акцентируя внимание на процессах интеграции

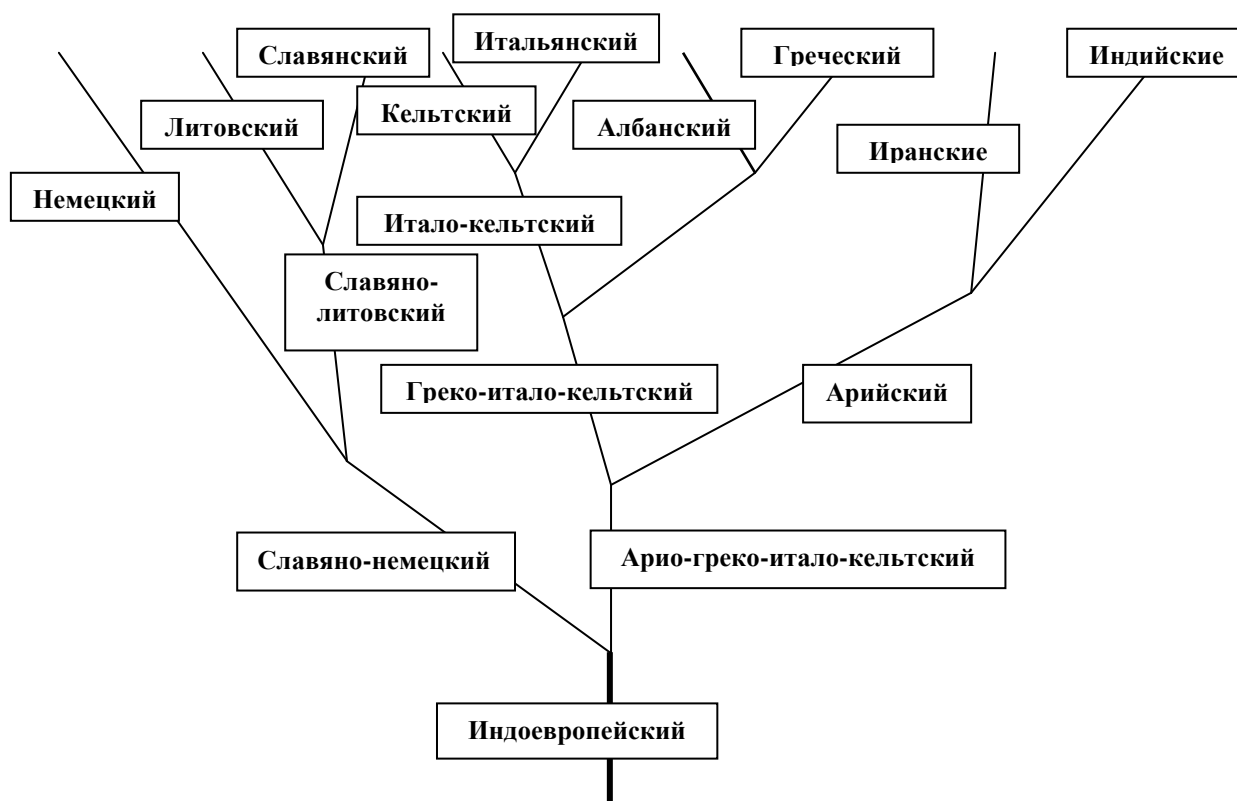
близкородственных диалектов и на зависимости этих процессов от истории общества, М.А.Максимович писал: “С объединением восточных славян в разные русские области восстанавливалось и увеличивалось их сближение, внутренняя жизнь снова становилась одинаковой, она развивалась под влиянием доминирующего в области города, где была сконцентрированная русская жизнь, и язык того города становился главной, образцом для целой области; распространяясь в ней, язык объединял собой местные отличия (диалекты), заимствуя и сам от них и развивалась в областные наречия... Некоторые из этих наречий, распространяясь и властвуя в нескольких областях, предоставили им новое единство образования, и таким образом создалась настоящая особенность трех народных языков Руси” [Максимович 1880: 399-402]. М.А.Максимович пытался соотнести образование восточнославянских народностей и их языков с летописными “племенами”. При этом М.А.Максимович, как и Н.И.Надеждин, исходил из простого соотнесения локализации тех или иных племен и современных восточнославянских народов.

На конвергентные процессы указывал Н.И.Греч. Одной из причин языковых изменений Н.И.Греч считал столкновение и смешение с “народами иноплеменными”: народ получает от пришельцев слова, формы и синтаксические обороты, при этом первенство остается иногда не на стороне победителей, а на стороне многочисленных побежденных. Так постепенно образуются отдельные языки со своими наречиями [Греч 1840: 67].

Языковым контактам уделял значительное внимание и И.И.Срезневский. Он отмечал, что из двух или нескольких языков может образоваться новый язык, по формам своим похожий и не похожий на те языки, из которых он возник. Ученый разделял причины языковых изменений на внутренние и внешние; учитывая их взаимодействие, И.И.Срезневский доминирующими считал внутренние причины: “Язык изменялся бы, хотя бы и совсем не было на него никаких внешних влияний” [Срезневский 1959: 8-11]. Таким образом, по мнению И.И.Срезневского, отделение дочерних языков от праязыка происходит путем дифференциации, но для более поздних этапов развития языков ученый допускал языковое контактирование (интеграцию).

Таким образом, для русских и украинских языковедов 20-х – 60-х гг. XIX в. было характерно дивергентное объяснение языкового развития (А.Х.Востоков, Н.И.Надеждин, М.А.Максимович, Н.И.Греч, М.Н.Катков, И.И.Срезневский).

Такой подход был обобщен А.Шлейхером в модели “родословного древа” [Шлейхер 1964¹: 108-110; Шлейхер 1964²: 116-119]. Эта теория объясняла возникновение языков индоевропейской семьи путем постепенного диалектного дробления праязыка; она была представлена в виде схемы, которая напоминает ветвистое дерево:



Конвергентное моделирование как истории звуков и форм, так и истории языка вообще на определенном этапе его развития наблюдается в работах Н.И.Надеждина, М.А.Максимовича, Н.И.Греча, И.И.Срезневского, П.А.Лавровского.

Ученые Харьковской лингвистической школы А.А.Потебня, П.И.Житецкий и М.А.Колосов в своих исследованиях последовательно придерживались модели “родословного дерева”. Дивергентный характер языкового развития, “господство одного стремления к распадению наречий” [Потебня 1866: 10] в языковом прошлом А.А.Потебня обосновывал экстралингвистическими факторами: “Чем далее в старину, тем более замкнутою жизнью живут обособившиеся племена, тем сильнее бессознательное чувство целостности языка, допускающего только такие нововведения, которые сами собою вытекают из внутренней жизни языка” [там же: 11]. Вместе с тем исследование фактического материала дало возможность А.А.Потебне высказать мысль о том, что теории “родословного дерева” “ничуть не противоречило бы предположение, что у нынешних русских наречий не один родоначальник, а 2, 3 и сколько надобно” [Потебня 1878: 9]. Но на практике ученый выходил из признания одного “родоначальника” восточнославянских языков – “общерусского языка” [Потебня 1866: 138-140]. А.А.Потебня, как и Н.И.Надеждин [Надеждин 1837: 276], обратил внимание на смешанный характер ряда говоров “великорусского наречия”. Он отмечал, что “сначала великорусское наречие делилось только на два говора: южный и северный. Позже, когда начали ближе сходиться поселения южные с северными, начали образовываться средние говоры, которые, тем не менее, до этого времени сохраняют свой основной цвет” [Потебня 1866: 74]. Таким образом, по мнению А.А.Потебни,

“средние говоры” все же относятся или к северновеликорусскому, или к южновеликорусскому наречиям. Конвергентными процессами А.А.Потебня объясняет и возникновение белорусского языка: он возник вследствие взаимодействия южновеликорусских говоров с “малорусскими” [там же: 55]. На конвергентные процессы указывал П.И.Житецкий; в частности, он считал, что южновеликорусский “говор” возник путем конвергенции из элементов белорусских и северновеликорусских в процессе колонизационного движения белорусов – потомков кривичей – на северо-восток [Житецкий 1876: 138-139]. М.А.Колосов допускал конвергентные процессы в развитии языка, однако предостерегал от преувеличения роли смешения при образовании восточнославянских языков: “нельзя думать, что великорусское племя возникло вследствие “органического объединения” ... поселенцев. Это племя и его наречие возникло независимо от смешения и скрещивание этнографических и лингвистических отличий”, но “возможно, что некоторые этнографические особенности русских племен образовались смешением чисто русского элемента с туземным...” [Колосов 1878: 263].

Явления дивергенции и конвергенции плодотворно исследовали ученые Московской школы. По мнению В.К.Журавлёва, заслуга разработки теории дивергентно-конвергентной эволюции языка принадлежит Ф.Ф.Фортунатову [Журавлев 1990: 317]. К теоретическому обоснованию дивергентно-конвергентной модели основатель и главный теоретик Московской лингвистической школы Ф.Ф.Фортунатов постоянно обращался в своих лекционных курсах по сравнительному языковедению [Фортунатов 1956: 24-25, 68-71]. Он подчеркивал, что историю семьи языков нельзя представлять лишь как “постепенное дифференцирование”, так как здесь имеются намного более сложные отношения: разъединение, снова соединение, вновь распад и т.д., что следует объяснять историей общественных союзов [там же: 70]. Следуя за Ф.Ф.Фортунатовым, его ученик А.А.Шахматов связывает конвергентные процессы с тем, что “политические и культурные условия далеко не всегда соответствуют условиям этнографическим, отображающимся непосредственно на языке” [Шахматов 1890-91: 9]. В связи с этим необходимо отметить, что ученые Московской школы постоянно подчеркивали тесную связь дивергентно-конвергентных процессов с историей народа [Фортунатов 1956: 24-25, 69-71; Шахматов 1890-91: 8; Шахматов 1910-11: 11-12; Дурново 1907-8: 5-6].

Но преимущество было отдано дивергенции. Это обусловлено двумя факторами, на которые указывают ученые Московской школы. Во-первых, исходя из реальности существования языка лишь отдельного индивида, они подчеркивают, что нет “и двух людей, будь они даже членами одной семьи, говорящих совершенно одинаково” [Шахматов 1890-91: 7]. Отсюда вывод, что язык народа, “благодаря своим носителям, заключает условия и причины всё увеличивающегося в течении истории своего разнообразия” [там же: 8]. Во-вторых, осложнение связей между отдельными диалектами в истории языка заключается именно в том, что “рядом с разъединением происходит и объединение диалектов” (Ф.Ф.Фортунатов). Итак, чем дальше в прошлое, тем менее значимой становится конвергенция. В этом аспекте заслуживает внимания противопоставление “разнообразного” современного

“однообразному” прошлому, между которыми можно установить “генетическую связь” (А.А.Шахматов).

Характерно, что А.А.Шахматов, который первым начал исследовать конвергентные (в том числе фонетические) процессы в истории восточнославянских языков, моделировал эти процессы для относительно поздних этапов языковой истории: для XII в. это падение редуцированных, общевосточнославянский характер которого А.А.Шахматов объяснял объединяющей ролью Киева и влиянием древнекиевского койне [Шахматов 1924: 34-35; Шахматов 1941: 237; Шахматов 1916: 84-85], а для XIII в. (первая фиксация – вторая половина XIII в.) – такое древнее общевеликорусское явление, как переход напряжённых редуцированных в гласные *о*, *е* [Шахматов 1910-11: 133; Шахматов 1915¹: XLIX; Шахматов 1941: 240; Шахматов 1916: 115-116]¹.

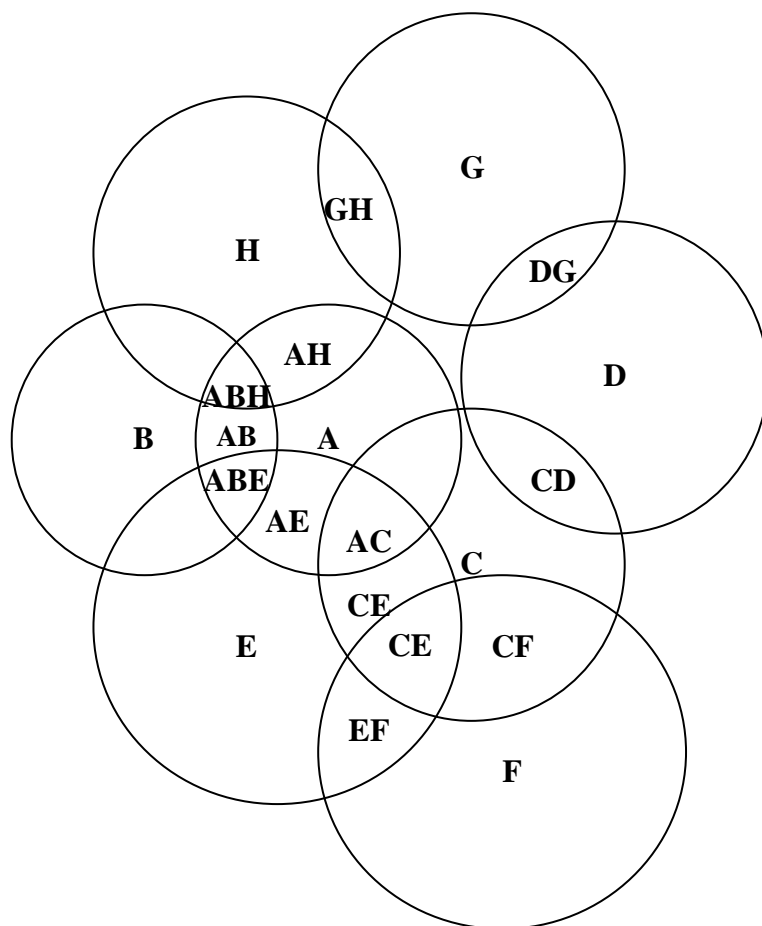
Существует мнение, что А.Шлейхер, как и его последователи, применяя методы естествоведения, прямо отождествлял жизнь языка с жизнью организмов в природе. Действительно, термин морфология был заимствован А.Шлейхером из естественных наук. Но, утверждает А.В.Десницкая, в действительности исследователя волновали совсем другие вопросы – в первую очередь теоретические проблемы, связанные с пониманием сущности языковых явлений, и общие вопросы методологии лингвистических исследований. В работах А.Шлейхера моделирование дивергентных историко-языковых процессов было дополнено теорией географического варьирования языков и положением о значимости контактов на границах языков и диалектов [Десницкая 1984: 249].

При решении проблемы географического варьирования языков А.Шлейхер принимал во внимание лингвистическую непрерывность соотношений фонетических и морфологических признаков языков, которые располагались на смежных территориях и постепенно переходили друг в друга: “Распределение языков на земле в начале должно было иметь суровую закономерность; соседние языки должны были быть между собой более подобными, чем языки людей, которые жили в разных частях мира. От принятой точки отсчета, в зависимости от степени отдаления от нее, языки должны были группироваться по степени нарастающего отклонения от языка исходного пункта, так как с пространственным отдалением увеличиваются отличия климата и условия жизни вообще” [Шлейхер 1964²: 12]. Такую лингвистическую непрерывность А.Шлейхер моделирует с древнейших времен: “Эти очевидные соответствия в строении географически близких языковых семей мы считаем остатками самой ранней жизни праязыка. Источники возникновения таких языков с подобным типом строения,

¹ А.А.Шахматов первый констатировал, что русский (великорусский) язык образовался путем конвергенции диалектов, которые ранее существенно отличались; таким образом, говорить о “правеликорусском языке” нельзя. Вслед за А.А.Шахматовым общевеликорусские фонетические инновации изучают другие учёные Московской школы (Н.Н.Дурново, Б.М.Ляпунов). Отметим также, что, по мнению А.А.Шахматова, ярким примером роли конвергентных процессов в возникновении русского языка как целого стало образование средневеликорусских говоров [Глушченко 1983: 52-55].

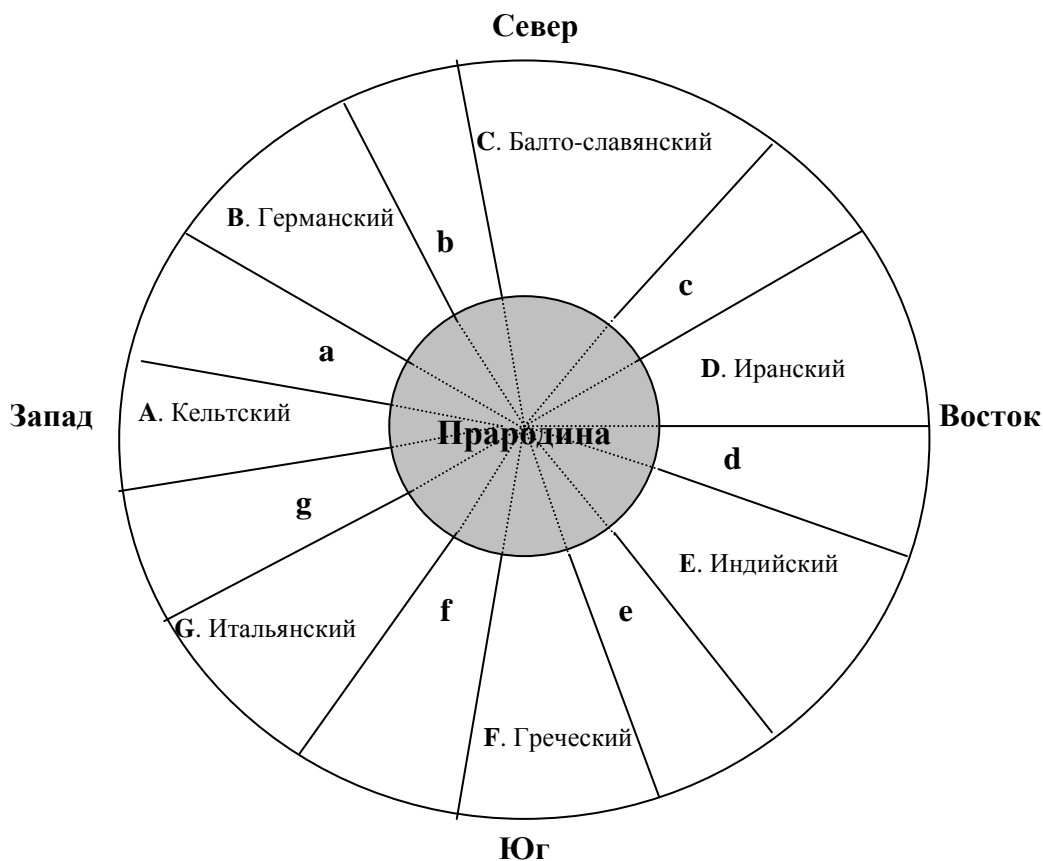
вероятно, должны были располагаться неподалеку один от другого” [там же: 13].

Итак, наряду с теорией “родословного древа” возникла теория, которая моделировала возникновение языков в виде постепенных переходов от одних языков к другим на фоне тесного их контактирования (учитывая именно конвергенцию), основанная уже на принципе лингвистической непрерывности. Идею “непрерывности специфических языковых связей” высказывал А.Пикте (1859). Г.Шухардт (1870) резко противопоставил теорию географической непрерывности языков теории “родословного древа”. Вместо теории распада индоевропейского праязыка Г.Шухардт предложил теорию смешения и скрещивание языков, ставя под сомнение целостность языка в географическом пространстве и указывая на географическую непрерывность языков и диалектов. Обобщением этих идей стала работа И.Шмидта “Родственные отношения индогерманских языков” (1872), в которой исследователь прежде всего отбрасывает любую возможность гениалогической классификации языков и доказывает безосновательность генетического сближения как отдельных языков, так и целых языковых семей. Он отрицает существование “промежуточных праязыков”, говоря, что они являются научными фикциями, благодаря которым существенно упрощается исследование, и что все языки образовались индивидуально и независимо друг от друга. Уже в древние времена, по И.Шмидту, возникают ростки отдельных наречий в виде различных звуковых переходов в общем языке, новых звуков и т.под. Это новообразования из своего центра распространяются на соседние территории, подобно тому как расходятся, например, волны от брошенного в воду камня. Чем дальше водные круги отходят от центра, тем становятся слабее; так и новообразования языка теряют свою окраску, становятся бледнее и бледнее, отдаляясь от центра своего возникновения. Во втором центре может появиться другая особенность, в третьем – третья и так далее, и все они также разойдутся, скажем, концентрическими кругами, становясь все слабее и слабее по мере удаления от центра. Распространенный круг одной языковой черты легко мог пересекаться с кругом второй, третьей и так далее, и территории различных особенностей в своих частях могли легко сливаться; при этом чем ближе были центры возникновения той или иной языковой особенности, тем большим был их общий ареал. Так, вначале в индоевропейском праязыке возникли основные наречия, затем между ними сформировались промежуточные. “Волновую” модель можно представить на схеме:



На схеме мы видим диалекты А, В, С, D, E, F, H и промежуточные наречия АВ, АС, АЕ, СЕ, ЕF, АВЕ, АСЕ, ЕСF.

И.Шмидт утверждает, что между всеми современными языками индоевропейской семьи существуют связи, которые не дают возможности выделить тот или иной язык в отдельную группу и что все эти языки – звенья одной цепи. Индоевропейский праязык еще на своей прародине распался на большое количество разных наречий, причем между основными наречиями возникли промежуточные. Позднее эти промежуточные наречия (языки) исчезли. Если обозначить их буквами *a*, *b*, *c*, *d*, *e* и т.д., то получим следующую схему:



Могло случиться так, что племена, говорившие на промежуточных диалектах *a, b, c, d, e, f, g*, вследствие каких-либо причин – политических, религиозных или культурных – подверглись влиянию племен, которые говорили на наречиях **A, B, C, D** и т.д. Подчинив себе носителей указанных наречий, языки **A** (кельтский), **B** (германский), **C** (балто-славянский), **D** (иранский), **E** (индийский), **F** (греческий) и **G** (итальянский) окажутся тогда непосредственными соседями. Родственные связи между ними разорвутся, и народы **A, B, C, D** и так далее явятся отдельными этнографическими единицами, которые дадут позднее кельтов, германцев, балто-славян, иранцев, индийцев, греков и итальянцев. И.Шмидт выделяет такие промежуточные языки: скифский и сарматский между общеславянским и индоиранским; дакийский и фракийский – между общеславянским, литовским на востоке, кельтским на западе и греческим на юге; иллирийский – между кельтским и греческим; фригийский – между греческим и армянским и т.д.

Вокруг модели “родословного древа” и “волновой” модели велись дискуссии учёных; исследователи большей частью противопоставляли их, но была попытка и соединить эти модели в одну синтезирующую диаграмму (А.Лескин), которая не дала ожидаемых результатов. Как отмечают современные ученые, модель “родословного древа” должна быть охарактеризована как динамическая модель, схематизирующая процесс языковой дивергенции, а “волновая” модель – как статическая модель, которая демонстрирует синхронные генетические взаимосвязи языков на определенном этапе прошлого; указанные модели дополняют друг друга [Климов 1973: 21-22].

7. Во всех языках действует закономерность абстрагирования элементов языковой структуры: на основе более конкретных элементов структуры развиваются менее конкретные. Так, увеличивается количество абстрактных лексем; например, в современном русском литературном языке появились такие слова, как *акклиматизация, урбанизация, ваучеризация*. В нём намного больше абстрактных существительных, чем в литературном языке прошлых столетий. Можно привести и другой пример. На основе лексических элементов (полнозначных слов) развиваются грамматические элементы – морфемы, служебные слова; конкретные элементы, слова трансформируются в абстрактные элементы системы, объединяясь в типичные модели словообразования, части речи; менее абстрактные грамматические категории переходят в более абстрактные и даже формализованные (род в именах, классы в глаголах). Именно эта закономерность обусловила современное сложное членение языковой системы на подсистемы лексики, словообразования, грамматики и др. Приведем пример, как на основе полнозначных слов возникают аффиксы. В числительных типа *двадцать* морфема *-дцать* является суффиксом, а по происхождению это полнозначное слово – числительное *десять* в местном падеже; аналогично в *тринадцать* суффикс *-надцать* по происхождению является числительным *десять* в местном падеже с предлогом *на*.

8. Присущей всем языкам мира является также закономерность отчленения элементов языковой структуры. Первоначально человечество пользовалось нечленимыми элементами языка: звуковой комплекс был и словом, и предложением. Постепенно сформировалось противопоставление фонемы морфеме и слову, слова – предложению и т.д. Еще в XII в. в древнерусском языке не было четкого противопоставления сложносочиненных предложений сложноподчиненным. Изначально в праиндоевропейском и других языках существительное и прилагательное не различались. На протяжении определенного периода было нерасчлененное имя, которое одновременно обозначало и предмет, и признак. Это убедительно показал А.А.Потебня. Современное разделение слов на имена и глаголы также неизначально. Ему предшествовало такое состояние языка, когда не было имен и глаголов, а было диффузное слово, употреблявшееся для обозначения деятеля и процесса. Дифференцируются звуки, значения, типы словообразования и т.д.

9. Закон аналогии, уподобления одних структурных элементов другим. Так, заимствованные слова начинают изменяться по моделям языка, в который попали; новые слова, словосочетания, предложения создаются по уже существующим моделям и т.д. Чередование *з, к, х // ж, ч, ш // с, ц, с* в древнерусском языке, которые в полной мере представлены в современном украинском (*нога – ніжка – нозі, рука – ручка – руці, вухо – вушко – у вусі*), в русском языке нарушены действием аналогии: *рука – ручка*, но *руке* (вместо *руце*, где фонема *ц* заменилась фонемой *к* по образцу большинства форм этого слова: *рука, руку, рукой*); *нога – ножка*, но *на ноге*; *ухо – ушко*, но *в ухе* и под. По аналогии с существующими словами, с их морфемным строением образуются формы новых слов. Известные нам типы словообразования, изменение слов по падежам, строение предложений

обязаны закону аналогии. Так, в истории русского языка в результате действия закона аналогии перестроилась система склонения: вместо древних пяти типов осталось три; система времен из восьми древних сократилась до трех новых. Действие аналогии в каждом конкретном случае нуждается в конкретном толковании, необходимо знание тех структурных условий, совокупность которых дала возможность этому закону действовать.

10. Закон экономии. Этот закон языковеды (Г.Курциус, И.А.Бодуэн де Куртенэ, А. Мартине и др.) признавали как непосредственную причину и источник многих языковых изменений. Такое толкование является в определенной мере субъективным и разноплановым. То, что непосредственно воспринимается как принцип экономии, обнаруживает противоречие между говорящим и слушателем. Говорящий стремится меньше тратить усилий – слушатель нуждается в ясной и четкой мысли; поэт стремится к образному языку, эмоциональному и индивидуальному, а ученый высказывается точно и доказательно. Так в языке появляются факты экономные и неэкономные, слова конкретные и абстрактные, сложные и простые конструкции и т.д. Принцип экономии понимают еще как стремление к языковому совершенству, как проблему прогресса в языке (во времена А.Шлейхера проблема прогресса в языке связывалась с морфологическими типами языка, с аналитизмом и синтетизмом морфологических форм). Н.В.Крушевский противопоставлял принципу экономии **принцип универсальности** как стремление к идеалу, к общему и отдельному соответствию слов понятиям. Эти принципы нельзя трактовать как абсолютные, одинаковые для всех языков. И.А.Бодуэн де Куртенэ говорил об удобстве в языке, оно по-разному проявляется в языковом мышлении, артикуляционной и акустической сторонах речевой деятельности. Следствиям действия закона экономии в фонетике можно считать процессы ассимиляции, диссимиляции, диерезы, протезы, эпентезы, гаплогонии, сингармонизма, сокращение длины слов в некоторых языках и т.д. [Кочерган 2000: 197-198].

§ 4. Развитие лексической, фонетической и грамматической систем

Лексика, т.е. словарный состав языка, изменяется намного быстрее, чем другие уровни языковой системы. Изменения в жизни общества не могут, например, обусловить изменения в фонологической системе языка, но возникновение новых явлений в жизни общества служит причиной появления новых слов, которые отображают эти явления.

Динамический характер лексики проявляется, в частности, в том, что в языке выделяются активный и пассивный словари. В активный словарь входят слова, которые говорящие употребляют повседневно. Их значение хорошо понятно всем носителям языка. Это, например, такие слова, как *вода, хлеб, окно, человек, белый, два, кто, носить, брат, очень, к, в, потому что, вот*. К пассивному словарю относятся слова, которые носители языка употребляют лишь изредка из-за их устарелости или, напротив, новизны. В соответствии с этим пассивные слова делятся на **устаревшие слова** и **неологизмы**.

Среди устаревших слов можно выделить два типа – **историзмы** и **архаизмы**.

Историзмы – это слова, которые вышли из активного употребления потому, что исчезли из активного употребления сами предметы, обозначенные данными словами. Сейчас нет *крепостных, помещиков*, люди не пользуются *мечами, колчанами*. Ненужными стали и соответствующие слова. Но говорящие знакомы с историзмами: историзмы употребляются в художественных произведениях на историческую тему, в научных исследованиях. Историзмы – это всегда имена существительные.

Архаизмы становятся устаревшими словами потому, что вытесняются из языка другими словами, которые перенимают их функции.

Сравним слова-синонимы:

перст – палец,
виктория – победа,
конфузия – поражение,
отверзать – открывать,
зело – очень.

Архаизмы имеют синонимы среди слов активного словаря.

Неологизмы – это слова, которые воспринимаются говорящими как новые; неологизмы сохраняют окраску новизны. Большинство неологизмов возникает для обозначения новых реалий жизни: *луноход, прилуниться* и др. Реже неологизмы приходят в язык как новые названия старых реалий (ср. *глаз* и *око, щека* и *ланица, победа* и *виктория* и др.).

Существуют индивидуальные-авторские неологизмы – **окказионализмы** (лат. *occasionalis* “случайный”), они образуются по существующим в языке продуктивным моделям. У А.С.Пушкина встречаем: *огончарован*; у Н.В.Гоголя – *зеленкудрые*; у И.Драча – *журбота, засмута*; у В.Стуса – *наверх, паниз*; у Лины Костенко – *орліший*. Некоторые авторские неологизмы входят в литературный язык, например, у М.В.Ломоносова – *чертёж, рудник, маятник, насос, притяжение, созвездие*, у Ф.М.Достоевского – *стушеваться*, у Н.М.Карамзина – *промышленность, влюблённость, рассеянность, трогательный*.

Можно назвать следующие источники появления слов в языке:

1. Образование слов по существующим продуктивным моделям (в русском и украинском языке такие слова составляют 90% лексики).
2. Заимствования (в русском и украинском языке такие слова составляют 10% лексики).
3. Изобретение слов (очень редко). Так, голландский физик Ван-Гельмонт изобрел слово *газ*. Интересно, что источником образования этого слова, как отмечает сам исследователь, были два слова: греческое *chaos* “хаос” и немецкое *Geist* “дух”. Вот подобные слова: *гном, Кодак* “фотоаппарат”, *робот* и др.

Развитие **фонетической системы** заключается в изменении фонемного состава отдельных слов и морфем. Эти изменения подчиняются действию фонетических законов. Это законы внутренние. Причины их не всегда являются очевидными.

Среди фонетических законов выделяют две группы: 1) законы функционирования языка в определенный период времени. Это живые фонетические процессы, например ассимиляция и диссимиляция согласных в русском, украинском и белорусском языках, редукция безударных гласных и аканье в русском и белорусском; 2) законы развития, или исторические законы. Их действие происходило в прошлые эпохи.

Среди исторических фонетических законов можно назвать первую и вторую палатализации заднеязычных в праславянском языке, благодаря которым исторически закрепились определенные чередования согласных в современных славянских языках. Например, следствием первой палатализации в русском и украинском языках являются чередования *г, к, х // ж, ч, ш* (рус. *друг – дружба, рука – ручка, сухо – суша*), а результатом второй палатализации чередование – *г, к, х // з, ц, с* (укр. *нога – нозі; рука – руці, муха – мусі*).

В праславянском языке было музыкальное и нефиксированное (на определенном слоге) ударение (как в современных китайском, японском, вьетнамском), а в большинстве современных славянских языков ударение силовое. Слоги в праславянском языке были открытыми, что в истории отдельных славянских языков перестало быть законом.

При изучении истории фонетической системы языка ученые обращаются именно к историческим законам.

Происходят изменения в правилах дистрибуции фонем: в древнерусском языке были сочетания *гы, кы, хы (гыбель, Киев, хитрый)*, в современном русском языке употребляются сочетания *ги, ки, хи*.

Наблюдаются и более значительные изменения: в наборе фонем и системе дифференциальных признаков фонем. Так, в праславянском и древнерусском языках, по мнению некоторых ученых (В.В. Колесова, Л.Л. Касаткина, Р.Ф. Касаткиной, Р. Крайчовича и др.), согласные фонемы в парах типа *б – п* противопоставлялись не по признаку звонкости/глухости, а по признаку ненапряжённости/напряжённости. В праславянском языке были носовые гласные фонемы; во всех славянских языках, кроме польского, они исчезли, перейдя в носовые гласные. В русском и украинском языках палатализованные согласные (*сено, сіно*) стали самостоятельными фонемами; в древнерусском языке они были комбинаторными вариантами “твердых” фонем.

Грамматика является наиболее устойчивой подсистемой языка. Изменения в грамматике могут касаться как всей системы (например, в романских языках, где древняя латинская система словоизменения уступила место аналитическим формам выражения с использованием служебных слов и порядка слов), так и воплощаться в определенных грамматических категориях и формах (так, в истории восточнославянских языков на протяжении XIV – XVII вв., при перестройке системы глагольного словоизменения, из четырёх форм прошедшего времени (имперфекта, перфекта, аориста и плюсквамперфекта) остался один – перфект, в котором вспомогательный глагол утратился, а старое причастие с суффиксом *-л-* переосмыслилось как форма глагола прошедшего времени, откуда в

современном русском языке наблюдается согласование этих форм в роде и числе, но не в лице (*зрел, зрела, зрело, зрели*).

В некоторых случаях грамматическое строение языка может изменяться под влиянием чужих языков. Например: 1) перенесение из одного языка в другой несвойственных ему грамматических категорий (например, перенесение видовых различий из русского языка в язык коми, который оформляет эти явления при помощи своих грамматических средств; 2) перенесение из одного языка в другой словообразовательной модели, заимствование аффиксов, например, суффиксов *-изм, -ист* в русский язык; при этом в языке закрепляются модели слов на *-изм, -ист* с определенными грамматическими значениями (*компаративизм, компаративист*); 3) заимствование форм (редко).

В процессе грамматического развития языка могут появляться и новые грамматические категории, например, деепричастия в русском языке, которые образовались из причастий. В связи с этим в пределах определенных групп родственных языков в процессе их исторического развития могут возникать существенные отличия, которые связаны с утратой тех или иных категорий и возникновением новых. Так, судьба праславянского склонения по-разному сложилась в современных славянских языках. Например, в современном украинском языке в отличие от русского есть звательный падеж; в болгарском склонение вообще утратилось, но звательный падеж сохранился (укр. *хлопчик– хлопчику*, болг. *ратай – ратаю*). В санскрите было семь падежей, в старославянском – шесть, в латинском – пять, в древнегреческом – четыре. Близкородственные немецкий и английский языки в результате их самостоятельного развития сформировали разные системы склонения: в немецком, который приобрел некоторые черты аналитизма (склонение происходит прежде всего с помощью артикля), все же осталось четыре падежа, в английском артикль не спрягается, а склонение существительных вообще утратилось (за исключением случаев образования от имен, которые обозначают живые существа, архаических форм “Old English genitive” (“древнеанглийский родительный”) с *'s*: *man's hand* – “рука человека” вместо более обычных: *the hand of the man*).

Конечно, между неродственными языками существует еще больше грамматических отличий. Арабский язык имеет лишь три падежа, финно-угорские же больше десяти (эстонский – 15).

Особое место в грамматических изменениях занимают изменения по аналогии (см. выше). Эту закономерность во времена А.Шлейхера, когда думали, что языковые изменения происходят по законам природы, считали “ошибочной аналогией”, нарушением законов и правил, но в конце XIX в. стало понятным, что аналогия в языке – явление не только закономерное, но и законотворческое, которое регулирует и упорядочивает те явления в области грамматических парадигм, которые были затронуты действием фонетических законов.

Послесловие

Толкование закономерностей развития языков определяется пониманием сущности языкового прогресса. Изменения фонетического и грамматического строя языка индивидуальны и своеобразны: эволюция и совершенствование языковой системы имеет относительный характер. Наиболее универсальным способом совершенствования языка является обогащение его словарного состава и расширение общественных функций. Стремление к идеальной форме нельзя понимать как самоцель исторического развития языков, так как их специфика – это результат продолжительного конкретно-исторического развития.

Каждый язык неповторим, он близок и дорог тем, для кого является родным. Язык – это естественное средство общения и выражения мыслей, чувств, волеизъявлений. Родной язык каждого народа – это живой символ его менталитета, его духовной жизни и творческого гения. “Если бы объединение всего человечества по языку и вообще по народностям было возможно, – говорит А.А.Потебня, – оно было бы гибелью для человеческой мысли, как замена многих чувств одним, хотя бы это одно было не осязанием, а зрением. Для существования человека нужны другие люди; для народностей – другие народности”. Так и для существования любого самобытного национального языка нужны другие языки и прежде всего родственные. Давайте же беречь, ценить, развивать и изучать языки! Для русистов особое значение имеют русский, украинский и белорусский языки, составляющие восточнославянскую подгруппу славянской группы индоевропейской семьи языков.

Литература

1. Аксаков К.С. Опыт русской грамматики.- М., 1860.-Ч. 1.- Вып. 1.- 176 с.
2. Амирова Т.А., Ольховиков Б.А., Рождественский Ю.В. Очерки по истории лингвистики.- М.: Наука, 1975.- 559 с.
3. Бевзенко С.П. Історія українського мовознавства. Історія вивчення української мови: Навч. посібник.- К.: Вища школа, 1991.- 231 с.
4. Березин Ф.М. История русского языкознания: Учеб. пособие для филол. специальностей. – М.: Высш. школа, 1979.- 223 с.
5. Березин Ф.М. Основные проблемы общего и сравнительно-исторического языкознания в русской лингвистике конца XIX – начала XX вв.: Автореф. дис. ... докт. филол. наук.- М., 1970.- 47 с.
6. Березин Ф.М. Русское языкознание конца XIX – начала XX в. / Отв. ред. Ф.П.Филин.- М.: Наука, 1976.- 366 с.
7. Бернштейн С.И. А.А.Шахматов как исследователь русского литературного языка // Шахматов А.А. Очерк современного русского литературного языка.- 4-е изд.- М.: Учпедгиз, 1941.- С. 3-55.
8. Бодуэн де Куртене И.А. Избранные труды по общему языкознанию.- М.: Изд-во АН СССР, 1963.- Т. 1. – 384 с.; Т. 2. – 391 с.
9. Брицина О.І. П.Г. Житецький і його погляди на українську мову та її розвиток // Наук. зап. Кам'янець-Подільського пед. ін-ту. – 1957. – Т. 5. Серія історико-філологічна. – С. 133.
- 10.Будагов Р.А. Портреты языковедов XIX – XX вв.: Из истории лингвистических учений.- М.: Наука, 1988.- 320 с.
- 11.Булаховський Л.А. Питання походження української мови // Булаховський Л.А. Вибрані праці: В 5-ти т.- К.: Наук. думка, 1977.- Т. 2.- С. 9-216.
- 12.Буслаев Ф.И. Историческая грамматика русского языка.- М.: Учпедгиз, 1959.- 623 с.
- 13.Буслаев Ф.И. О преподавании отечественного языка // Буслаев Ф.И. Преподавание отечественного языка: Учеб. пособие для студентов пед. ин-тов по спец. "Рус. яз. и лит."- М.: Просвещение, 1992.- С. 25-373.
- 14.Введение в языковедение: Хрестоматия: Учебн. пособие / Сост. А.В.Блинов, И.И.Богатырёва, В.П.Мурат, Г.И.Рапова. – М.: Аспект Пресс, 2000. – 342 с.
- 15.Востоков А.Х. Рассуждение о славянском языке, служащее введением к грамматике сего языка, составляемой по древнейшим оного письменным памятникам // Востоков А.Х. Филологические наблюдения / Издал, по поручению 2-го отделения Академии наук, И.Срезневский.- СПб., 1865.- С. 1-27.
- 16.Глущенко В.А. Історія середньовеликоруських говорів у науковій концепції О.О.Шахматова // Мовознавство.- 1983.- № 5.- С. 51-56.
- 17.Глущенко В.А. Принципи порівняльно-історичного дослідження в українському і російському мовознавстві (70-і рр. XIX ст. – 20-і рр. XX ст.) / НАН України, Ін-т мовознавства ім. О.О.Потебні; Відп. ред. О.Б.Ткаченко.- Донецьк, 1998.- 222 с.
- 18.Греч Н.И. Чтения о русском языке.- СПб., 1840.- Ч. 1.- VI, 336 с.

19. Десницкая А.В. Вопросы изучения родства индоевропейских языков / Отв. ред. П.С. Кузнецов.- М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1955.- 332 с.
20. Десницкая А.В. Понятие языкового развития и языковой истории в лингвистической концепции Августа Шлейхера // Понимание историзма и развития в языкознании первой половины XIX века / Отв. ред. А.В. Десницкая.- Л.: Наука, 1984.- С. 236-276.
21. Дурново Н.Н. Лекции по истории русского языка, читанные осенью 1907-8 ак. г. в Московском ун-те. [- Литограф. изд.- М., 1907-8].- 208 с.
22. Житецкий П.И. Очерк звуковой истории малорусского наречия.- К., 1876.- IV, 376 с.
23. Журавлев В.К. Московская фортунатовская школа // Лингвистический энциклопедический словарь / Гл. ред. В.Н. Ярцева.- М.: Сов. энциклопедия, 1990.- С. 317-318.
24. Звегинцев В.А. История языкознания XIX – XX веков в очерках и извлечениях.- 3-е изд.- М.: Просвещение, 1964.- Ч. 1.- 452 с.; 1965. – Ч. 2.- 495 с.
25. Історія української мови: Хрестоматія / Упорядники С.Я. Єрмоленко, А.К. Мойсеєнко. – К.: Либідь, 1996. – 288 с.
26. Катков М.Н. Об элементах и формах славяно-русского языка.- М., 1845.- II, 253, II с.
27. Колесов В.В. Становление идеи развития в русском языкознании первой половины XIX в. // Понимание историзма и развития в языкознании первой половины XIX века / Отв. ред. А.В. Десницкая.- Л.: Наука, 1984.- С. 163-199.
28. Колосов М.А. Обзор звуковых и формальных особенностей народного русского языка.- Варшава, 1878.- X, 270 с.
29. Кондрашов Н.А. История лингвистических учений: Учеб. пособие для студентов пед. ин-тов по спец. № 2101 "Рус. яз. и лит."- М.: Просвещение, 1979.- 224 с.
30. Кочерган М.П. Вступ до мовознавства: Підручник. – К.: Академія, 2000. – 368 с.
31. Ломоносов М. В. Полн. собр. соч. – М.: Изд-во АН СССР. 1952. – Т. 7.- С. 658-659.
32. Ляпунов Б.М. Единство русского языка в его наречиях (Пособие к лекциям по истории русского языка).- Одесса, 1919.- 18 с.
33. Максимович М.А. Начатки русской филологии: Об отношении русской речи к западнославянской // Максимович М.А. Собр. соч. – К., 1880. – Т. 3. – С. 399-402.
34. Михайлов А.В. Опыт введения в изучение русского литературного языка и письма. – Варшава, 1911. – С. 49-87.
35. Надеждин Н.И. Великая Россия // Энциклопедический лексикон. – СПб., 1837.- С. 263-276.
36. Общее языкознание: Методы лингвистических исследований / Отв. ред. Б.А. Серебренников.- М.: Наука, 1973.- 318 с.
37. Остгоф Г., Бругман К. Предисловие к книге "Морфологические исследования в области индоевропейских языков" // Звегинцев В.А.

- История языкознания XIX – XX веков в очерках и извлечениях.- 3-е изд.- М.: Просвещение, 1964.- Ч. 1.- С. 187-198.
- 38.Павлюк М.В. Основні етапи розвитку українського мовознавства дожовтневого періоду.- К.; Одеса: Вища школа, 1978.- 184 с.
- 39.Пауль Г. Принципы истории языка.-М.: Изд-во иностр. лит., 1960.-500 с.
- 40.Півторак Г.П. Українці: звідки ми і наша мова.- К.: Наук. думка, 1993. – 200 с.
- 41.Поржезинский В.К. Введение в языковедение: Пособие к лекциям.- 4-е изд.- М., 1916.- 243 с.
- 42.Потебня А.А. [Рец.:] Народные песни Галицкой и Угорской Руси, собранные Я.Ф.Головацким. М., 1878, 3 части в 4 томах // Отчет о 22-м присуждении наград гр. Уварова: Записки АН.- 1880.- Т. 37. Приложение № 4.- С. 64-152.
- 43.Потебня А.А. Два исследования о звуках русского языка: I. О полногласии, II. О звуковых особенностях русских наречий.- Воронеж, 1866.- 156, III с.
- 44.Потебня А.А. Из записок по русской грамматике.- 3-е изд.- М.: Учпедгиз, 1958.- Т. 1-2.- 536 с.
- 45.Потебня А.А. Из записок по русской грамматике.- М.: Просвещение, 1977.- Т. 4. Вып. 2.- 406 с.
- 46.Потебня А.А. К истории звуков русского языка.- Воронеж, 1876.- Ч. 1.- VI, 243 с.
- 47.Потебня А.А. К истории звуков русского языка: Этимологические и другие заметки.- Варшава, 1883.- Ч. 4.- 86, X с.
- 48.Потебня А.А. Разбор сочинения П.Житецкого "Очерк звуковой истории малорусского наречия". К., 1876.- СПб., 1878.- 76 с.
- 49.Потебня А.А. Синтаксис русского языка [Публікація А.Я.Опришка] // Наукова спадщина О.О.Потебні і сучасна філологія. До 150-річчя з дня народження О.О.Потебні: Зб. наук. праць / Відп. ред. В.Ю.Франчук.- К.: Наук. думка, 1985.- С. 206-221.
- 50.Протченко И.Ф. Ф.И.Буслаев – выдающийся филолог и педагог // Буслаев Ф.И. Преподавание отечественного языка: Учеб. пособие для студентов пед. ин-тов по спец. "Рус. яз. и лит."- М.: Просвещение, 1992.- С. 7-24.
- 51.Реформатский А.А. Введение в языковедение / Под ред. В.А.Виноградова. – М.: Аспект Пресс, 1999. – 536 с.
- 52.Рождественский Ю.В. Лекции по общему языкознанию. – 2-е изд. – М.: Добросвет, 2000. – 344 с.
- 53.Сорокин Ю.С. Эволюция понятия историзма в русском языкознании 1830 – 1840-х гг. // Понимание историзма и развития в языкознании первой половины XIX века / Отв. ред. А.В.Десницкая.- Л.: Наука, 1984.- С. 200-235.
- 54.Сосюр Ф. де. Курс загальної лінгвістики. – К.: Основа, 1998. – 324 с.
- 55.Срезневский И.И. Мысли об истории русского языка.- М.: Учпедгиз, 1959.- С. 16-81.
- 56.Фортунатов Ф.Ф. Сравнительное языковедение: Общий курс // Фортунатов Ф.Ф. Избр. труды: В 2-х т.- М.: Учпедгиз, 1956.- Т. 1.- С. 21-197.

- 57.Чемоданов Н.С. Сравнительное языкознание в России: Очерк развития сравнительно-исторического метода в русском языкознании.- М.: Учпедгиз, 1956.- 95 с.
- 58.Чернышев В.И. Как произошла мена *ц* и *ч* в русских говорах? Вопрос лингвистам // Рус. филол. вестн.- 1902.- Т. 47. № 1-2. -С. 117-118.
- 59.Шахматов А.А. Очерк древнейшего периода истории русского языка // Энциклопедия слав. филол.- 1915.- Вып. 11.- XXVIII, II, L, 369 с.
- 60.Шахматов А.А. Русский язык, его особенности. Вопрос об образовании наречий. Очерк основных моментов развития литературного языка // Шахматов А.А. Очерк современного русского литературного языка.- 4-е изд.- М.: Учпедгиз, 1941.- С. 223-244.
- 61.Шахматов А.А. Русский язык: Лекции, читанные в Моск. ун-те. 1890-91 ак. г. [- Литограф. изд.- М., 1890-91].- 179 с.
- 62.Шахматов О.О. До питання про початок української мови. Кілька слів на нову працю з граматики українського языка: Grammatik der ruthenischen (ukrainischen) Sprache von S. von Smal-Stockuj und T.Gartner. Wien, 1913 // Україна.- 1914.- Кн. 1.- С. 7-19.
- 63.Шахматов О.О. Короткий нарис історії української мови // Шахматов О.О., Кримський А.Ю. Нариси з історії української мови та хрестоматія з пам'ятників письменської староукраїнщини XI – XVIII вв.- К., 1924.- С. 5-86.
- 64.Шлейхер А. Компендий сравнительной грамматики индоевропейских языков (Предисловие) // Звегинцев В.А. История языкознания XIX – XX веков в очерках и извлечениях.- 3-е изд.- М.: Просвещение, 1964.- Ч. 1. – С. 107-110.
- 65.Шлейхер А. Теория Дарвина в применении к науке о языке.- СПб., 1864. – 14 с.
- 66.Jagic V. [Рец.:] A.Potebnja. Aus den Memoiren über die russische Grammatik // Потебня А.А. Из записок по русской грамматике.- М.: Просвещение, 1977.- Т. 4. Вып. 2.- С. 335-340.

СОДЕРЖАНИЕ

Введение.....	3
§ 1. Возникновение идеи языкового развития в языкознании.....	3
конца XVIII в. – начала XIX в.....	3
§ 2. Внешние и внутренние факторы развития языка	4
§ 3. Основные закономерности развития языков.....	5
§ 4. Развитие лексической, фонетической и грамматической систем	23
Послесловие	27
Литература	28

Видавець СПД Маторін Б.І.

Свідоцтво про внесення суб'єкта видавничої справи до Державного реєстру видавців, виготівників і розповсюджувачів видавничої продукції ДЦ №74, видане Державним комітетом інформаційної політики, телебачення та радіомовлення України від 10.02.2004 р.

Підписано до друку 01.12.05.

Формат 60×84 1/16. Ум. др. арк. 2,0.

Зам. № 174. Тираж 200 прим.

84116, м. Слов'янськ, вул. Г. Батюка, 19.

Тел./факс (06262) 3-20-99